

По окончании вечера они разошлись, и У Ду, как обычно, повел Дуань Лина по узкой тропинке обратно в поместье Му.

— Теперь ты глава Зала Белого Тигра, — с легкой насмешкой сказал Дуань Лин, держа У Ду за руку.

— Они не признают моего старшинства, — ответил У Ду, окинув взглядом дома вдоль дороги. Он рукой обнял Дуань Лина за талию:

— Пошли наверх.

Одним прыжком они взобрались на стену, а затем на крышу, чтобы лечь на черепицу и насладиться лунным светом. Яркая луна озаряла мир смертных, окрашивая землю серебром. У Ду и Дуань Лин легли рядом.

— Со временем привыкнут, — произнес Дуань Лин. — После всего этого уже не будет важно, подчиняются они тебе или нет. Думаю, большинство из них и сами не захотят оставаться в Цзянчжоу.

Когда все закончится, Чан Люцзюнь, вероятно, увезет Му Цина в далекие края, Чжэн Янь, возможно, вернется в Хуайин, а что до Лан Цзюнься...

Дуань Лин понимал, что в конце концов рядом с ним останется только У Ду. Иногда их связь казалась ему подобной этой луне — сияющей над реками и горами, освещающей каждый уголок, вездесущей. Остальные же были как проплывающие мимо облака: появлялись и исчезали, то сгущаясь, то рассеиваясь, неведомо куда уносимые ветром.

На следующий день резиденция Му была украшена фонарями и гирляндами. Дуань Лин не переступал порога своих покоев и избегал лишних встреч с Фэй Хундэ, чтобы не вызвать подозрений у Му Куанды. Управляющий лично сообщил ему, что на вечернем банкете ему выделено место рядом с наследным принцем — по правую руку от Му Куанды.

Ему вручили меню для банкета в честь Праздника середины осени, и Дуань Лин, ознакомившись с ним, не имел никаких возражений и подписал, думая про себя: кто будет ужинать в такой суете? Все будут заняты интригами и борьбой.

— Спи, — сказал тем вечером У Ду. — Ложись пораньше, завтра вечером нас ждет банкет.

Дуань Лин понял намек: ночью им предстояло обыскать поместье. Они легли спать рано, а проснулись только после полудня следующего дня. Несмотря на траур по Ли Яньцю, чиновникам в Цзянчжоу, как полагалось, дали выходной.

Му Цин уговорил Дуань Лина поиграть с ним в цуцзюй. Они провели за игрой весь день, и спина Дуань Лина промокла от пота. Вдруг он вспомнил:

— Кажется, в позапрошлом году у нас был свиток со стихами, написанными к Празднику середины осени. Не знаешь, где он?

— Все свитки связаны и сложены в дальней части библиотеки, — ответил Му Цин. — Ищешь что-то?

— Помню, было одно письмо, — сказал Дуань Лин. — Его У Ду привез из Тунгуань и лично передал канцлеру...

— Секретное письмо? — спросил Му Цин. — Секретные документы обычно передают на хранение господину Чан Пину.

— Их привезли в Цзянчжоу? — уточнил Дуань Лин.

— Должно быть, — ответил Му Цин. — Во время переезда я видел, как заносили большой ящик. Зачем тебе это письмо?

— Да просто так, — Дуань Лин, получив нужную информацию, отмахнулся. — Просто вспомнил, что к югу от Тунгуань остались кое-какие вещи. Надо бы позже отправить людей забрать их.

— В библиотеке полный бардак, — вздохнул Му Цин. — Горы старых свитков. Вряд ли ты что-то найдешь. Когда закончим с сегодняшними делами, я помогу тебе поискать.

Дуань Лин взмахнул рукой:

— Не говори отцу. А насчет того золота... Я хочу достать немного для себя.

Му Цин кивнул. В этот момент подошел слуга, сообщив молодым господам, что пора готовиться к банкету, и только тогда Дуань Лин направился в сад.

В саду рядами стояли низкие столики. Главное место пустовало — оно предназначалось императору. Рядом располагалось место Цай Яня, а позади него — место Лан Цзюнься.

На первом столике слева лежала деревянная табличка с иероглифом «Се». Далее по порядку следовали «Су», «Хань», «Чэн» и другие фамилии чиновников. Справа находилось место Му Куанды, а также Хуан Цзяня, Дуань Лина, Му Цина и других.

Цай Янь и остальные еще не прибыли. Одежда Дуань Лина промокла от пота, и он сел, чтобы немного просохнуть под ветерком. Слуги подали чай, и двое вполголоса заговорили. Вскоре подошел У Ду и опустил на колени позади Дуань Лина.

— Сходи к канцлеру Му, — тихо сказал Дуань Лин.

Формально они оба имели равный статус: Дуань Лин был губернатором Е, а У Ду — комендантом. Но по расстановке мест, задуманной Му Куандой, становилось ясно: канцлер намеренно выводил Дуань Лина на первый план.

Дуань Лину, как губернатору Е, было бы непозволительно не отметить в Министерстве обрядов по возвращении в Цзянчжоу, а просто появиться в поместье Му; однако он не волновался — раз Му Куанда так распорядился, значит, предусмотрел все отговорки.

Его внимание привлекло лишь одно: напротив сидел сам Хань Бинь. Дуань Лин никогда не видел его раньше и теперь должен был внимательно изучить лицо противника.

Подошел управляющий и что-то шепнул У Ду. Му Куанда требовал его присутствия. У Ду поднялся и направился к канцлеру.

В саду веял осенний ветер, а лучи заката окрашивали землю в золотистый цвет. Первым неожиданно появился Чжэн Янь. Когда он вошел, слуги почтительно поклонились, приглашая занять место, но он лишь отмахнулся, давая понять, что им нет нужды следовать за ним по пятам.

— Как неожиданно видеть вас здесь первым, господин Чжэн, — сказал Дуань Лин.

— А я не ожидал, что первым окажется господин Ван, — парировал Чжэн Янь. Переглянувшись, они усмехнулись.

Хоть банкет в резиденции Му и был приурочен к середине осени, на самом деле его устраивал дворец. Просто из-за того, что траур по Ли Яньцю еще не прошел, мероприятие перенесли в поместье канцлера. Чжэн Янь прибыл сюда заранее, чтобы проверить ингредиенты на кухне, а также безопасность территории. Поскольку вокруг никого не было, он подошел к Дуань Лину и сел рядом с ним.

— Яо хоу не придет? — тихо спросил Дуань Лин.

— Придет, — Чжэн Янь повернулся к нему. — Он будет сидеть рядом с наследным принцем.

— А дядя? — спросил Дуань Лин. — С ним никто не остался?

— Сегодня ночью все будут здесь, — ответил Чжэн Янь. — Ничего не случится. С ним Цзыфэн и тот здоровяк. Их боевые навыки вполне достойны, не волнуйся.

Дуань Лин, все еще беспокоясь, спросил:

— Он еще что-то говорил?

— Велел тебе полюбоваться луной вместе с ним, когда закончишь с делами, — небрежно бросил Чжэн Янь, поднялся, опираясь на колени, и снова пошел проверять территорию. Проходя мимо входа в сад, он вдруг выглянул наружу.

— Ты так рано? — спросил Чжэн Янь.

Не успели его слова стихнуть, как Лан Цзюнься вошел в сад, облаченный в одеяния мастера боевых искусств, подчеркивающие его статную фигуру.

Он замер у входа, словно колеблясь, но Дуань Лин произнес:

— Войди.

Только тогда Лан Цзюнься переступил порог. В саду повисла тишина. Он методично осмотрел каждое место, а затем приблизился к Дуань Лину. Когда слуги пришли зажечь фонари, Лан Цзюнься установил лампу над головой Дуань Лина так, чтобы свет не бил ему в лицо.

— Его Высочество покинул дворец? — спросил Чжэн Янь.

— Он и Яо хоу выехали вместе, — ответил Лан Цзюнься. — Прибудут через полчаса.

В этот момент слышались шаги — Чан Люцзюнь и У Ду по извилистой галерее вошли в сад. Все четверо мужчин стояли вместе, и на мгновение воцарилась неловкая тишина.

Чан Люцзюнь бросил взгляд на Чжэн Яня, а затем на Лан Цзюнься. Наконец Дуань Лин прервал молчание:

— Чан Люцзюнь вернулся. Прошу всех отбросить старые обиды. Что бы ни случилось в прошлом — ради меня забудьте об этом. Когда все закончится, потом можете его отколотить.

Чжэн Янь рассмеялся первым:

— Я вообще не злопамятный.

— Что сказал канцлер Му? — спросил Дуань Лин у У Ду.

— Хуан Цзянь задерживается по делам, — ответил У Ду. — Приказал тебе лично встретить гостей и рассадить их.

Дуань Лин кивнул, поняв намек, и поднялся. Четверо убийц последовали за ним, заняв позиции у входа в сад.

— Прибыл генерал Се.

Полная луна освещала землю.

Се Ю сегодня был одет в парадную военную форму. Оказалось, он пришел раньше всех — это стало неожиданностью как для Дуань Лина, так и для самого Се Ю. Они обменялись взглядами.

— Генерал Се, прошу вас, — с улыбкой сказал Дуань Лин.

— Кажется, я пришел слишком рано, — произнес Се Ю.

— Вовсе нет, — ответил Дуань Лин. — Пожалуйста, присаживайтесь.

— Ступай встречать остальных, — махнул рукой Се Ю. — Не беспокойся об этом старике.

— Прибыл генерал Хань.

Дуань Лин, сделав глубокий вдох, встал и увидел, как в сад вошел мужчина средних лет с тремя подчиненными. На нем была темно-красная военная форма Северного командования с черными вставками, украшенная по вороту золотыми вышитыми узорами. Фасон напоминал индигово-синюю форму Северного командования, которую носил У Ду, и, как только он взглянул на нее, у Дуань Лина возникло знакомое чувство.

— Идите, выпейте вина, — Хань Бинь кивнул подчиненным.

— Генерал Хань, — улыбнулся Дуань Лин.

В сумерках Хань Бинь внимательно рассмотрел лицо Дуань Лина:

— Должно быть, ты не Му Цин.

— Этот скромный слуга — Ван Шань, — ответил Дуань Лин.

— Так это ты! — Хань Бинь громко рассмеялся. — Ум бороды не ждет!*

* □□□□ дословно «герои (таланты, выдающиеся люди) проявляют себя с юных лет».

Он похлопал Дуань Лина по плечу. Вспомнив прошлое, Дуань Лин вдруг осознал: год назад, когда монголы напали на Е, он написал Хань Биню письмо, и тот, получив его, устроил засаду, отрезав пути отступления врага. Видимо, к тому времени Хань Бинь уже заключил с Му Куандой взаимовыгодный союз — вот почему согласился так быстро!

— Генерал Се! — Увидев Се Ю, Хань Бинь направился к нему.

Се Ю кивнул и жестом пригласил Хань Биня, завязав с ним непринужденный разговор. Затем он взглянул на Дуань Лина, давая понять, что тот может удалиться.

Дуань Лин только отошел, как Хань Бинь словно что-то вспомнил.

— Разве мы с Ван Шанем не встречались где-то раньше? — с улыбкой спросил Хань Бинь.

Дуань Лин, уже вернувшись ко входу в сад, невольно оглянулся.

— Хань Бинь видел твою мать, — тихо произнес Лан Цзюнься, следовавший за ним.

Остальные молчали.

— Он узнал меня? — спросил Дуань Лин.

— Вряд ли, — ответил Лан Цзюнься. — Если бы узнал, реакция была бы иной.

— Прибыли члены канцелярии, — сказал У Ду.

— Прибыл советник Су.

Су Фа, увидев Дуань Лина, удивленно воскликнул:

— Ван Шань? Как ты здесь оказался?

— Вернулся в спешке, — улыбнулся Дуань Лин. — Прибыл сегодня утром, не успел доложить в Министерство обрядов. Сделаю это завтра.

Су Фа фыркнул, но ничего не сказал, всем видом показывая: «Это же полный беспредел».

— Прибыли Его Высочество наследный принц и Яо хоу.

Не успел стихнуть голос, объявляющий имена, как до сада донесся разговор приближающихся вместе Цай Яня и Яо Фу. Цай Янь смеялся:

— В этом году луна еще круглее, чем в прошлом. Как говорится, у людей бывают и горе, и радость*...

* Строки из стихотворения Су Ши «Прольёт сиянье своё...», династия Сун.

Яо Фу и Цай Янь остановились, и Яо Фу жестом указал ему вперед.

Взгляд Цай Яня встретился с взглядом Дуань Лина, и между ними мгновенно повисла тишина.

— У людей бывают и горе, и радость, и разлуки, и встречи, и луна бывает то темной, то светлой, то круглой, то ущербной, — слегка улыбнулся Дуань Лин. — Так издревле пошло - трудно достичь полноты.

Цай Янь молча смотрел на него.

Мимо пронесся прохладный ветерок, и в воздухе витал леденящий аромат осени. Оба словно вернулись в ту осень в Шанцзине.

— Ты вернулся, — сказал Цай Янь.

— Когда я был в далеком Е, получил известие о кончине Его Величества, — ответил Дуань Лин, его голос был печален, но не скорбен. — Проплакал несколько дней, а затем с У Ду, не останавливаясь ни днем, ни ночью, поспешил в Цзянчжоу, чтобы выразить соболезнования. Прибыли только сегодня.

Фэн До обратился к Яо Фу:

— Этот Ван Шань, господин Ван — Таньхуа специального экзамена, лично назначенный Его Величеством губернатором Хэбэя.

Яо Фу заулыбался так, что глаза превратились в щелочки, и Дуань Лин добавил:

— Прощу, Ваше Высочество. Прощу, Яо хоу.

Цай Янь много раз представлял, как вновь встретится с Дуань Лином, но не ожидал, что это произойдет в поместье Му Куанды в ночь Праздника середины осени. На самом деле, с тех пор как Дуань Лин покинул Цзянчжоу, страх перед ним исчез, и «Ван Шань» превратился лишь в имя, вызывающее беспокойство.

Постепенно он начал избегать многого, тайно надеясь, что Дуань Лин больше не вернется в Цзянчжоу. Даже когда он получил известие о том, что Дуань Лин отправился на юг, он утешал себя мыслью о том, что до встречи с ним беспокоиться не о чем.

Теперь же внезапная встреча сковала Цай Яня. Каждая частичка его тела излучала страх.

— Улохоу Му? — мрачно позвал Цай Янь.

Лан Цзюнься вышел из группы и занял место позади него, а Чжэн Янь направился сопровождать Яо хоу. Дуань Лин проверил список: почти все ожидаемые гости прибыли. Он велел позвать Му Куанду — банкет можно было начинать.

Первым прибыл Му Цин, он поздоровался со всеми присутствующими и сел рядом с Дуань Лином. Вскоре после него поспешно вошел Хуан Цзянь, извинившись перед собравшимися за опоздание — он действительно вернулся только сегодня. Увидев Дуань Лина, Хуан Цзянь крепко хлопнул его по плечу и занял место ниже Му Куанды.

Затем, сияя от счастья, появился сам Му Куанда. Войдя в сад, он сразу же засмеялся:

— Похоже, я опоздал! Простите, что заставил Ваше Высочество и всех почтенных господ ждать. Сам накажу себя тремя чашами вина!

— Канцлер Му, ваша смелость растет день ото дня, — усмехнулся Хань Бинь. — Заставлять нас ждать — еще ладно, но заставить ждать Его Высочество?

Цай Янь поспешно замахал руками:

— О, ничего страшного!

Все рассмеялись. Му Куанда позволил слугам поставить на стол три чаши вина, выпил их залпом и только затем сел на свое место:

— Сегодня возникли непредвиденные дела, пришлось задержаться. Прощу прощения.

— О? — Хань Бинь поднял бровь. — Какие такие дела?

Му Куанда улыбнулся и ответил:

— Да так, пустяки.

— В последние дни вы много трудились, канцлер Му, — Цай Янь первым произнес тост, и все остальные последовали его примеру, поднимая чаши в честь Му Куанды.

Му Куанда выпил еще одну чашу. Вино на пустой желудок вызвало легкое головокружение. Кивнув, он замолчал, и служанки наполнили чаши свежим вином.

Дуань Лин наблюдал за Цай Янем: лицо того заметно побледнело. Неизвестно, то ли от недавнего испуга, то ли от постоянного напряжения — Цай Янь выглядел изможденным. Даже во время тоста он был рассеян.

Иногда Дуань Лин жалел, что не может говорить от имени Цай Яня. Он молчит, когда должен говорить, и болтает лишнее, когда лучше промолчать. Все эти крупные чиновники до единого безжалостны и хищны. Если захотят поймать его на ошибке, мгновенно разорвут.

Вот и сейчас: будучи наследным принцем, на банкете в честь середины осени, следовало бы начать с общего тоста. А он первым поднимает чашу за канцлера? Так не по правилам.

К счастью, Фэн До, стоявший за спиной Цай Яня, шепотом напомнил ему об этом. Только тогда он осознал, что нарушил порядок, поспешно прокашлялся и произнес:

— Давайте еще по одной.

Служанки наполнили чаши снова, и перед каждым из присутствующих теперь стояло по две чаши вина.

— По пути сюда я вспоминал с Яо хоу прошлогодний Праздник середины осени, — начал Цай Янь. — А еще те времена, когда отец был рядом... и отмечали его в Шанцзине. Тогда я думал, что, пусть мир и непредсказуем, но человеческая жизнь, по крайней мере, длинна.

Тихие разговоры смолкли, и под лунным светом воцарилась полная тишина. В саду витал лишь аромат османтуса.

— Но, как говорится, у людей бывают и горе, и радость, и разлуки, и встречи, и луна бывает то темной, то светлой, то круглою, то ущербной, — продолжил Цай Янь. — Так издревле пошло — трудно достичь полноты. Седьмой месяц стал для меня тяжким испытанием, но благодаря вашей поддержке я смог через это пройти.

Пока Цай Янь говорил, он поднял свою чашу.

— Видимо, по воле небес мне суждено прожить жизнь в одиночестве.

Услышав это, Дуань Лин не удержался и посмотрел на У Ду. Тот слегка улыбнулся, тоже подняв чашу, и едва заметно кивнул в его сторону.

В этом жесте было столько невысказанных слов, но озвучивать их было излишне. В тот миг Дуань Лин внезапно осознал: сколько бы бурь ни прокатилось над ним, он все равно живет куда счастливее Цай Яня.

— Мое единственное желание, — продолжил Цай Янь, — чтобы в следующем году в этот день мы все были здесь. Эта чаша — за моего отца и за упокой души дяди на небесах.

Он выплеснул вино на землю, и все последовали его примеру.

— Ваше Высочество обладаете мудростью Яо и Шунь*, — громко заявил Су Фа. — Вы непременно вернете Великой Чэнь былую славу.

* Легендарные первые императоры Китая.

— Надеюсь, так и будет, но мне все еще нужна ваша помощь, — Цай Янь слегка улыбнулся. — Эта вторая чаша — за всех вас.

Все подняли чаши и осушили их. Цай Янь продолжил:

— Особенно за наших воинов, защищающих северные границы. Когда в конце года пришли хорошие новости из Хэбэя, сердце наполнилось радостью.

Хань Бин отметил:

— Канцлер Му все же воспитал достойных учеников.

Все рассмеялись. Цай Янь же, обратившись к Дуань Лину, добавил:

— Ввиду ваших заслуг на поле боя, на этот раз прощаю ваше своеволие. После двадцать второго числа возвращайтесь обратно в Хэбэй — охранять границы от моего имени.

Дуань Лин прекрасно понимал: это было предупреждение. Цай Янь, даже сейчас цепляясь за последнюю надежду на перемирие, давал ему шанс — вернуться в Хэбэй, и тогда все останутся в безопасности.

Это было почти невозможно. Дуань Лин не вернулся бы без весомой причины, а вернувшись, не стал бы принимать условия Цай Яня. Подобные предложения можно было назвать разве что наивными.

Погруженный в мысли, Дуань Лин вздрогнул, когда Хуан Цзянь подтолкнул его. Заметив, что Цай Янь ждет ответа, он произнес:

— Смиренно повинуюсь воле Вашего Величества.

Следовало сказать «Ваше Высочество», но Дуань Лин подумал: «Раз уж так, пусть порадуетя моей ошибке».

Цай Янь не знал, искренни ли эти слова, но все же усмехнулся и отчаянно покачал головой. Му Куанда не стал поправлять его, а лишь улыбнулся:

— Это генерал Хань. Ты ему уже писал.

— Уже обратил внимание, — сказал Хань Бинь. — У Ду и Ван Шань выдержали два сражения в Хэбэе. Это было нелегко. Давайте я тоже подниму за вас чашу.

— Военачальники на границах оберегают нашу страну, — неожиданно вступил Се Ю. — Это действительно нелегкая задача. Я тоже поднимаю за вас тост. Пусть границы Великой Чэнь будут неприступными, и позор Шанцзы никогда не повторится.

Дуань Лин и У Ду выпрямились, выпили вино и заметили: Цай Янь все еще перешептывался с Фэн До. Закончив разговор, он вертел чашу в руках, словно колеблясь что-то сказать. Дуань Лин предположил, что тот уже хочет покинуть банкет и вернуться во дворец, и посмотрел на Му Куанду, гадая, что же он задумал.

Му Куанда наклонился к Чан Люцзюню, отдав тихие распоряжения, и тот поднялся, чтобы передать их управляющему. Сердце Дуань Лина забилося чаще.

Как он собирается разделаться с Цай Янем?

Однако в следующий момент заговорил Яо Фу.

— Ваше Высочество только что упомянули об одиночестве, — Яо Фу опустил чашу и улыбнулся, слегка захмелев. — Но я бы не сказал, что это так. Жизнь устроена иначе — небеса никогда не оставят вас идти в одиночку.

— Верно, — Цай Янь с легкой грустью вздохнул. — У меня еще есть тетушка и вы, Яо хоу.

— Нет-нет, — Яо Фу, с явным намеком на опьянение, обратился ко всем. — Перед приездом я получил хорошую весть и думал рассказать всем, чтобы разделить радость.

Сердце Дуань Лина екнуло — он догадался, что скажет Яо Фу. Быстро переведя взгляд на Цай Яня, он ждал момента, когда тот побледнеет. Остальные тоже замерли в недоумении, уставившись на Яо Фу.

— Яо хоу, не томите нас, — вмешался Му Куанда. — Речь идет о не о пустяке.

Слова Му Куанды мгновенно насторожили всех. Что же знали Яо Фу и Му Куанда, но до сих пор держали в тайне?

Яо Фу произнес:

— Три дня назад из дворца вдовствующей императрицы поступило известие: она ждет ребенка. Принцесса лично осматривала пульс вдовствующей императрицы. Сомнений нет — она беременна.

Эти слова повергли всех в шок. Лицо Цай Яня побелело, и даже Фэн До растерянно заморгал. Но через мгновение Цай Янь сменил выражение лица и засмеялся.

— Неужели? — в голосе Цай Яня смешались горечь и удивление. Он покачал головой:

— Не ожидал... Право, не ожидал...

Однако Се Ю слегка нахмурился, глядя на Му Куанду. За столом у всех были разные выражения лиц: казалось, они хотели поздравить, но не знали, кого именно. Атмосфера стала невыносимо неловкой.

— Поздравляю, — в итоге именно Дуань Лин, не скрывая веселья, первым поздравил Цай Яня. — Интересно, кто родится — мальчик или девочка? У Вашего Величества скоро появится младший брат или сестра!

— Поздравляем, поздравляем! — остальные наконец подхватили, хотя даже Хань Бинь был ошарашен. В поздравительном жесте он поднял кулак, но не знал, кому его адресовать — Му Куанде или Цай Яню.

Поздравлять Цай Яня? Ребенок Му Цзиньчжи не его. Если родится мальчик — это прямая угроза престолу. Поздравлять Му Куанду при Цай Яне? Еще более неловко. Пришлось ограничиться лишь кивком.

Дуань Лин же, наслаждаясь зрелищем, не отрывал взгляда от лица Цай Яня, наблюдая за его

реакцией. Тот, явно нервничая, обратился к Му Куанде:

— Даже я не знал об этом.

Му Куанда произнес:

— Узнали всего три дня назад. По правилам об этом объявляется всему миру на полотне желтого шелка, но Яо хоу не умеет хранить секреты, поэтому он опередил нас с поздравлениями. Мы еще ничего не ели, а я уже выпил пять чашек вина. Давайте отведаем чего-нибудь горячего.

Пока он говорил, слуги по очереди поднесли сине-белые фарфоровые чаши, поставив перед каждым. В глубоких мисках на две трети был налит бульон с вонтонами из тонкого теста и обильной начинкой, посыпанными кунжутом и дробленым арахисом. На поверхности таяла капля масла, а на дне лежала идеально нарезанная листовая горчица.

Дуань Лин молча смотрел на миску.

— Ваше Высочество, прошу, — сказал Му Куанда. — Господа, приступайте.

Цай Янь рассеянно отхлебнул бульона, а Дуань Лин застыл, глядя на миску. Подняв взгляд на Лан Цзюнься, он вспомнил ту ночь, когда тот увез его из Сюньяна и купил в переулке большую миску таких же вонтонов.

Даже спустя столько лет он не забыл их вкус. Он побывал во всех уголках империи, но никогда не пробовал ничего похожего.

Вонтоны от Чжэн Яня отличались изысканным бульоном и тончайшим тестом, но все же им недоставало особой глубины вкуса. В «Лучшей лапше в мире» вонтоны были почти прозрачными, с тщательно отобранными креветками, но и там не хватало той уникальной свежести. Эта миска хранила слишком много воспоминаний — один глоток, и Дуань Лин вновь увидел себя голодным ребенком в доме Дуань в Сюньяне, где последние лучи заката золотили его спину, а в переулке стояла неясная фигура.

Эта фигура всегда оставалась лишь тенью, символом в его жизни, являясь одновременно Лан Цзюнься, Ли Цзяньхуном и У Ду.

С первым кусочком в нос ударила острая горечь, и на глаза навернулись слезы. В тот же миг Дуань Лин понял истинный замысел Му Куанды.

Гости за столом все еще переваривали шокирующую весть, когда Му Куанда спросил:

— Как Ваше Высочество и достопочтенные господа оценивают это блюдо?

— Неплохо, — ответил Цай Янь. — Бульон очень вкусный.

Он сделал лишь пару глотков и съел один вонтон, после чего отставил миску.

Яо Фу заметил:

— Мастерство почти сравнимо с умениями Чжэн Яня.

Эти слова вызвали смех присутствующих. Хань Бин отметил:

— Яо хоу, какой вы строгий ценитель! Даже мастерство Чжэн Яня для вас лишь «почти сравнимо».

Яо Фу, обладавший врожденным талантом гурмана, продолжил:

— Если говорить о сочетании ингредиентов — мяса, рыбы, креветок, имбирного сока, листовой горчицы с арахисом и кунжутом в этом рыбном бульоне — тут действительно не дотягивает до уровня Чжэн Яня. Но если оценивать огонь, пропорции, технику раскатки теста и силу рубки начинки... Видно, что повар посвятил этому делу всю жизнь.

— Порой человек живет ради одного дела, — откликнулся Дуань Лин. — Мудрецы говорили: «Управлять великой державой — все равно что готовить мелкую рыбу». Кто-то всю жизнь жарит рыбу, а кто-то правит страной — суть одна. Посвятить себя тому, чтобы сварить миску вонтонов — то же самое.

Услышав эти слова, все согласно закивали. Хоть истина, озвученная Дуань Лином, была простой и давно известной присутствующим, ее повторение не вызвало раздражения. Великое учение*, звучащее вновь и вновь, все равно внушало уважение.

* Оно же «дао».

— Поэтому, говоря о кулинарном мастерстве, — Яо Фу слегка повернул голову в сторону Чжэн Яня, — Чжэн Янь в этом деле все же сильно уступает.

Чжэн Янь кивнул, принимая замечание.

Цай Янь все еще рассеянно потягивал бульон, когда Му Куанда произнес:

— Изначально сегодня планировалось объявить еще одну радостную весть.

— Еще одну? — Яо Фу, уже сделавший свой ход, не ожидал, что Му Куанда подготовил еще один сюрприз. — Канцлер Му, не шутите с нами.

Му Куанда ответил:

— Вообще-то, это сложно назвать радостным событием. Просто... мы нашли одного старого знакомого.

О, вот и козырь Му Куанды, подумал Дуань Лин.

— Старый знакомый? — Цай Янь мгновенно почувствовал неладное. Он не взглянул на Му Куанду, а сразу перевел взгляд на Дуань Лина.

Но тот отвернулся, чтобы прошептать Му Цину:

— Мы с У Ду ненадолго отлучимся.

— Куда? — спросил Му Цин.

Дуань Лин ответил:

— Пойдем выпьем с мастером Фэй Хундэ. Помогите мне...

Му Цин знал, что Фэй Хундэ прибыл из Е, но с Дуань Лином почти не общался. Возможно, тот избегал его, чтобы не вызывать подозрений. Но раз уж наступил Праздник середины осени, Дуань Лин должен был навестить его.

В этот момент Чан Люцзюнь привел в сад пожилого человека. Дуань Лин мельком заметил — это был Цянь Ци!

Цянь Ци действительно был жив! После того, как Чан Люцзюнь привез его в Цзянчжоу, он жил в поместье Му. Присутствующие втайне догадывались: этот человек, скорее всего, как-то связан с прошлым наследного принца.

— Прошу сюда, — сказал Чан Люцзюнь.

— Где? — ослепший Цянь Ци поднял дрожащую руку, ощупывая воздух. — Где тот мальчик, о котором вы говорили?

Все произошло так быстро, что Цай Янь еще не успел среагировать, но Дуань Лин сразу понял, что Цай Яню конец.

— Ваше высочество, вы его узнаете? — с улыбкой спросил Му Куанда.

Цай Янь растерялся от неожиданного вопроса, а его сердце забилось в панике. Он копался в своих воспоминаниях о Шанцзине, но, кажется, такого человека там не было. После недолгого молчания Фэн До с улыбкой спросил:

— Старый знакомый Его Высочества? Где вы его нашли?

— В Лояне, — ответил Му Куанда. — С тех пор, как произошли те события, прошло немало времени. Нам пришлось изрядно потрудиться, объездив Шанцзин, Чжунцзин и другие места, и только в Лояне мы наконец нашли его.

И теперь Цай Янь стоял перед сложнейшим выбором: отрицать ли ему все наотрез или просто сказать, что он его знает? Через несколько секунд Цай Янь принял решение и, изобразив внезапное озарение, произнес:

— А не тот ли это... в Шанцзине...

— Кто вы? — растерянно спросил Цянь Ци.

— Это пожилой господин, который продавал вонтоны в переулке у поместья Дуань в Жунани, — сказал Чан Люцзюнь, поднявшись и сев на колени позади Му Куанды. — Канцлер Му узнал, что Ваше Высочество любили его вонтоны, когда были маленькими, поэтому он приложил все усилия, чтобы разыскать его.

Цай Янь обернулся, взглянув на Лан Цзюнься, улыбнулся ему, а затем кивнул и произнес:

— Действительно. Это правда так.

— Вонтоны, которые мы только что ели, приготовил этот же пожилой господин, — улыбаясь, произнес Му Куанда, — Вы еще помните его имя, Ваше Высочество?

В ответ Цай Янь лишь неловко улыбнулся и ответил:

— В те времена повсюду бушевали войны. После стольких переездов я постепенно забыл...

За все время разговора Лан Цзюнься не проронил ни слова.

— Это дедушка Ци, — дрожащим голосом произнес Цянь Ци, — твой дедушка Цянь Ци, Дуань Лин. Ты еще помнишь меня?

Цянь Ци протянул Цай Яню руку, но тот, переполненный тревогой и страхом, с усилием улыбнулся:

— Дедушка Ци, давно не виделись.

Все молча наблюдали за этой сценой.

— Знаешь, что случилось после той ночи, когда ты ушел? — спросил Цянь Ци.

— После того как я ушел, я больше не возвращался, — вздохнул Цай Янь. — Что стало с семьей Дуань?

— В ту же ночь, как ты исчез, их дом сожгли дотла, — ответил Цянь Ци. — Всю семью Дуань вырезали подчистую.

Дуань Лин и Цай Янь потеряли дар речи.

Цай Янь боялся задавать лишние вопросы, опасаясь выдать себя. Но Цянь Ци все продолжал вздыхать, и Цай Яню пришлось спросить:

— Кто это сделал?

— Не знаю, — ответил Цянь Ци. — Говорили, ты сын важного чиновника и уехал с отцом жить в роскоши. А еще шептались, будто твой отец, возмущившись жестоким обращением семьи Дуань, устроил эту резню. Сорок семь членов семьи Дуань погибли в огне.

— Почему? — внезапно спросил Дуань Лин.

Цянь Ци услышал Дуань Лина, но его голос давно изменился, он больше не звучал по-детски звонко. Хоть вопрос был обращен к Цянь Ци, взгляд Дуань Лина застыл на лице Лан Цзюнься. Из всех присутствующих лишь Дуань Лин и Лан Цзюнься знали, кто на самом деле уничтожил семью Дуань.

Кроме Лан Цзюнься, это не мог быть никто другой. Дуань Лин до сих пор помнил ту снежную ночь: одежда Лан Цзюнься была сухой от жара пламени, а от него самого исходил запах гари.

— Ваше Высочество, ваша фамилия до возвращения ко двору была Дуань? — внезапно спросил Дуань Лин.

— Моя мать носила фамилию Дуань, — обратился ко всем Цай Янь. — В те годы, расставшись с отцом на севере, она вернулась в Сюньян, где родила меня. Позже Улохоу Му приехал за мной

и отвез в Шанцзин, чтобы я встретился с отцом.

Присутствующие согласно закивали, и Цай Янь добавил:

— Должно быть, путешествие было утомительным, дедушка Ци. Фэн До, проследи за тем, чтобы о нем хорошо позаботились.

Фэн До, поняв смысл сказанного, уже собирался увести Цянь Ци с банкета, когда тот произнес:

— Дуань Лин, помнишь, как ты в тот год залез на стену, свалился и сломал ногу? И как я тебе ее вправлял?

— Помню, — Цай Янь взял Цянь Ци за руку. — Потом еще много дней пролежал в постели.

— Семья Дуань не лечила тебя, лекарств не давала, — Цянь Ци покачал головой. — Заперли в дровяном сарае, все думали, что ты не выживешь. Хорошо, что мальчишка Ван Сяо из семьи Ван подкидывал тебе лепешки через щель. Выкарабкался, слава небесам, не остался с хромой ногой ...

— Да... — неохотно согласился Цай Янь, в голосе его звучала горечь.

— Грех, грех... — вздохнул Цянь Ци. — Семья Дуань накликала беду. Как можно было так обращаться с ребенком? Твоя мать, когда вынашивала тебя, часто посылала служанок за моими вонтонами...

— Его Высочество устал, — чем больше слушал Фэн До, тем больше испытывал тревоги; чтобы Цай Янь не угодил в новые словесные ловушки, он произнес:

— Давайте сегодня на этом закончим. Когда самочувствие Его Высочества немного улучшится, вы сможете вновь предаться воспоминаниям.

— Я возвращаюсь во дворец, — сказал Цай Янь. — Всем приятного времяпрепровождения.

С этими словами Цай Янь поднялся со своего места и, не говоря больше ни слова, кивнул всем на прощание, после чего Фэн До и Лан Цзюнься проводили его из поместья. На столе все еще стояла миска с недоеденными вонтонами, которые уже остыли.

Дуань Лин и Му Цин встали и покинули банкет. Му Куанда не обратил на них внимания и не стал спрашивать, куда они направляются; он подумал, что эти двое ушли пить отдельно. У Ду повернулся и посмотрел на них.

— Оцепите сад, — произнес Му Куанда. — Господа, мне еще многое нужно с вами обсудить. У Ду, ты остаешься.

У Ду уже подумывал о том, чтобы уйти вместе с Дуань Лином, но после этих слов ему пришлось снова сесть.

— У Ду, ты знаешь все детали. Расскажи, как все было, — вздохнул Му Куанда. — Чтобы достопочтенные господа поняли. Ведь именно ты подтвердил личность наследника при его возвращении ко двору. Теперь, когда возникли сомнения, развязать этот узел должен тот, кто его завязал.

У Ду слегка нахмурился, долго размышляя. Он понял, что Му Куанда намеренно перекладывает ответственность — крайне хитро.

— Канцлер! — Су Фа наконец не выдержал. — Что вы имеете в виду?

Му Куанда молчал. Эти споры уже звучали несколько лет назад, при возвращении наследного принца. И сейчас те же люди обсуждали то же самое, только без Ли Яньцю.

— Когда Улохоу Му привез наследного принца, — заговорил Су Фа, — при нем были свидетельство о рождении, нефритовая дуга и доказательства из Шанцзина. Так что, с точки зрения здравого смысла, мы не могли ни усомниться в настоящем наследнике, ни проверить самозванца. И раз уж мы приняли решение, не стоит снова и снова поднимать этот вопрос.

— Так было решено Его Величеством, — сказал Му Куанда. — Он сказал это с целью искоренить слухи при дворе и за его пределами. Однако я все сильнее чувствую, что за этим скрывается нечто большее. Его Величества уже нет, но все эти годы сомнения не покидали меня. Вы сами видели, что только что произошло. Здесь присутствуют генерал Хань и Яо хоу. Если господин Су упорствует в своей правоте, считая доказательства неопровержимыми — пусть будет так. А если кто-то полагает, что я сею раздор без причины, оставайтесь при своем.

После таких слов Му Куанды никто не смог возразить.

Хань Бинь предложил:

— Давайте сначала выслушаем У Ду.

— У Ду, говори, — сказал Се Ю. — Ты подтвердил личность наследника тогда, а теперь хочешь опровергнуть свои слова. Знаешь ли ты, какое наказание за это полагается?

У Ду подумал, а затем ответил:

— Тогда, кроме Улохоу Му, я был единственным, кто видел наследного принца. Позже я начал замечать странности. Но до сегодняшнего вечера канцлер Му не давал мне никаких указаний.

У Ду бросил взгляд на Му Куанду. Внезапный поворот событий этой ночи не был согласован с ним — в этом и заключалась хитрая расчетливость Му Куанды. Вероятно, он специально создал такой эффект: факты говорили сами за себя, и если бы они договорились заранее, их слова звучали бы слишком гладко, создавая впечатление, что все было спланировано.

— Пока что не будем говорить о том, как Чжао Куй приказал мне убить наследного принца десять лет назад, — продолжил У Ду. — Начнем с прошлой осени, когда я и Ван Шань отправились в Шанцзы...

Дуань Лин и Му Цин пришли в боковой двор, где жил Фэй Хундэ, и застали его одного: старик любовался луной и ужинал в честь Праздника середины осени. Ранее Дуань Лин уже представлял Фэй Хундэ, но в присутствии Му Куанды не мог говорить много. Теперь он пояснил Му Цину:

— Это шишу господина Чан Пина.

Му Цин почтительно поклонился, приветствуя Фэй Хундэ, а тот лишь улыбнулся:

— Ты немного похож на свою мать.

— Вы видели мою мать? — с любопытством спросил Му Цин.

— Когда я проезжал через Сычуань, — ответил Фэй Хундэ. — я однажды встретил ее. Ну, давайте выпьем. Спасибо вам обоим, что вспомнили обо мне.

Дуань Лин сел, подумав о том, что в главном саду, вероятно, уже идет тайный сговор, и бросил на Фэй Хундэ многозначительный взгляд. Тот кивнул в ответ, налил вино Му Цину, и тот выпил.

— Мастер Фэй, вы привыкли к жизни в Цзянчжоу? — спросил Му Цин.

— Осенние холода приносят сырость, — ответил Фэй Хундэ. — Помимо периодических болей в ногах, все в порядке.

Дуань Лин притворился, что вспомнил о чем-то:

— У меня как раз есть согревающая мазь. Я принесу ее для вас, мастер Фэй.

Фэй Хундэ кивнул, продолжив болтать с Му Цином за вином. Дуань Лин же, успешно освободившись от их компании, покинул боковой двор, обошел внутренние галереи усадьбы и направился к библиотеке на восточной границе поместья.

Этой ночью резиденция Му охранялась особенно строго, но все стражи были сосредоточены в саду, где шел банкет. Восточная галерея оказалась совершенно безлюдной. По коридорам гулял ветер, заставляя ветряные колокольчики тихо звенеть. До него доносился аромат османтуса — он словно попал в другой мир.

У Дуань Лина не было времени любоваться красотами. Он спешно шел по галерее и, повернув за угол, едва не столкнулся с человеком — это был Лан Цзюнься!

Они оказались лицом к лицу. Лан Цзюнься был в той же одежде — видимо, покинув Цай Яня, он вернулся. Дуань Лин инстинктивно отступил на шаг. Если он сейчас убьет его, все планы рухнут.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Лан Цзюнься.

— Ищу кое-что, — ответил Дуань Лин.

Лан Цзюнься не знал всех деталей его плана и молча смотрел на Дуань Лина.

Дуань Лин перевел вопрос на него:

— Зачем ты вернулся?

Лан Цзюнься ответил:

— Цай Янь понял, что правда раскрылась. Посоветовавшись с Фэн До в карете, он послал меня сюда подслушать разговоры Му Куанды и остальных после их ухода. У Ду все еще в саду?

— Угу, — помолчав, Дуань Лин осознал, что это шанс сообщить ложную информацию. — Потом скажу тебе, что передать Цай Яню.

— Хорошо, — в глазах Лан Цзюнься мелькнула усмешка, пока он изучающе смотрел на Дуань Лина.

Они стояли друг напротив друга. Дуань Лин вспомнил Цянь Ци, ту снежную ночь, ту миску вонтонов и всех погибших членов семьи Дуань...

— Почему ты убил всю семью Дуань? — спросил он.

— Я не убивал всю семью Дуань, — вместо ответа Лан Цзюнься вдруг серьезно произнес. — Разве ты не жив? А их... ты ненавидишь их?

— Ты...

Будь вопрос от кого-то другого, Дуань Лин, возможно, ответил бы откровенно. Но слыша его из уст Лан Цзюнься, говорить не хотелось.

— Знаю, не ненавидишь, — тихо продолжил Лан Цзюнься. — Ты всегда был таким. Даже меня смог простить. Ты не держишь на других зла.

— Я тебя еще не простил, — отрезал Дуань Лин.

Лан Цзюнься молча смотрел на него.

— То, что не прощаешь... — в его голосе мелькнула усмешка, — ...значит, не забудешь. И это... хорошо.

— Ладно, — Дуань Лин махнул рукой. — Всему, что я знаю, научил меня ты. Я не в силах тебя переспорить.

В тот миг сердце Дуань Лина сжалось от внезапной тоски — он по-настоящему хотел, чтобы Лан Цзюнься остался с ним. В его чувствах не было страстной жажды или пылающей привязанности, как к У Ду, лишь странное, необъяснимое благоговение. Раньше одного взгляда на Лан Цзюнься хватало, чтобы обрести покой и прогнать одиночество.

Но это доверие исчезло, словно дым, и пути назад не было.

Только сейчас Дуань Лин начал понимать: некоторые вещи впитываются с рождением, становясь частью натуры. Он с детства учился принимать судьбу спокойно, но лишь перед этим человеком его сердце отказывалось смириться.

— Я думал, что ничему тебя не научил, — проговорил Лан Цзюнься. — И, похоже, ты ничего от меня не перенял.

— Ты научил меня равнодушию, — бросил Дуань Лин. — Тому, что все безразлично: любовь и ненависть, правда и ложь. Даже сейчас ты ведешь себя так, будто тебе все равно. Неужели в твоём сердце нет ничего, что бы тебя действительно волновало?

— Разве ты не пришел сюда, чтобы что-то найти? — с легкой усмешкой произнес Лан Цзюнься.
— Стоишь тут, болтаешь — время не ждет.

Дуань Лин вздохнул, вспомнив о своей задаче:

— Иди подслушивай дальше.

Проскочив мимо, Дуань Лин направился к библиотеке в восточной части резиденции канцлера, а Лан Цзюнься, слегка развернувшись, неспешно последовал за ним.

— Не хочешь узнать, о чем они говорят? — Дуань Лин шел впереди, не оборачиваясь, голос его звучал приглушенно.

— Мне это неинтересно, — ответил Лан Цзюнься.

— Не ходи за мной.

Лан Цзюнься промолчал, продолжая идти следом, и Дуань Лин больше не стал настаивать. У входа в библиотеку их встретила запертая решетчатая дверь.

— Что ты ищешь? — спросил Лан Цзюнься.

Дуань Лин не ответил и перелез через решетку. Лан Цзюнься, перешагнув через забор, двумя прыжками взобрался на второй этаж. С вершины библиотеки они посмотрели на запад: сад был залит мерцающими огнями, образуя россыпь теней, но смеха не было слышно.

— Они еще разговаривают, — сказал Дуань Лин. — Мне нужно найти несколько писем в качестве доказательств.

— В конце концов Чан Люцзюнь, взяв с собой Цянь Ци, бежал через одни из ворот Лояна, — продолжил У Ду. — А мы с Ван Шанем защищали киданьского императора Елюй Цзунчжэня и бежали через другие ворота. Чан Люцзюнь вернулся в Цзянчжоу, а Ван Шань и Борджигин Бату за чашей вина по середине Сюньшуй дали обет сразиться через три года.

В саду У Ду невозмутимо рассказывал, как вместе с Дуань Лином отправился на север, в долину Хэйшань заготавливать лес, встретил Чан Пина и в итоге нашел Цянь Ци. Однако он умолчал о том, как именно Дуань Лин обнаружил Цянь Ци, сказав, что узнали о его местонахождении от беженцев.

Это известие было настолько шокирующим, что все присутствующие долго не могли прийти в себя.

— Тогда почему ты в тот раз принял его за наследного принца? — сурово спросил Се Ю.

— Я действовал по приказу Чжао Куя — убить Улохоу Му и найти наследника принца Бэйляна, — ответил У Ду. — В Шанцзине, в Прославленном зале, я обнаружил ребенка с сяньбэйскими сладостями, данными ему Улохоу Му. К тому времени государство сяньбэйцев уже давно пало, и лишь немногие из уцелевших знали рецепт этих сладостей. Улохоу Му — один из них.

— Я решил, что ребенок находился под его защитой, — продолжил У Ду. — Нанес пробный удар, но Улохоу Му, пренебрегая жизнью мальчика, ответил мне ударом меча. Позже я часто вспоминал этот момент и объяснял его лишь бездушием Улохоу Му, готовым пожертвовать даже наследным принцем. Но потом, размышляя, понял, что это как-то непоследовательно...

— Именно поэтому у меня возникла идея проверить, не самозванец ли он, — ответил Му Куанда. — Слова У Ду все присутствующие сановники, включая покойного императора, слышали уже не раз.

В те дни У Ду действительно докладывал о каждом шаге «убийства наследника престола» снова и снова, в мельчайших подробностях. Придворные могли повторить его рассказ наизусть.

— Таким образом, мы возвращаемся к исходному вопросу, — произнес Су Фа. — Если это лжец, то где же истинный наследник?

Воцарилась тишина. У Ду бросил взгляд на Яо Фу. Тот прищурился и едва заметно покачал головой в знак молчать. Сейчас не время раскрывать правду, — говорил этот жест. Любое дополнение лишь навредит.

— После битвы в Шанцзине в городе царил полный хаос, — сказал Хань Бинь. — Мы пытались начать поиски, но все было тщетно. Установить его местонахождение оказалось невозможно.

— Логика подсказывает одно, — возразил Му Куанда. — Если бы Улохоу Му нашел настоящего наследного принца, ему не пришлось бы совершать это чудовищное преступление, подсовывая подделку.

— Не будем спешить с выводами, — вмешался Су Фа. — Неужели слов какого-то старика достаточно, чтобы объявить его самозванцем?

— В моих глазах этот «наследный принц» никогда не был настоящим, — холодно ответил Му Куанда. — Сомнения оставались, но покойный император запретил обсуждать эту тему. Теперь же, когда запрет утратил силу...

— Канцлер Му, — резко прервал его Се Ю, — на что вы намекаете?

— Генерал Се, — ответил Му Куанда, — в нашей великой империи Чэнь всегда царила свобода слова. Ученые мужи обсуждали политику без страха гонений — не было случая, чтобы кого-то казнили за мнение.

— У нас в запасе есть и другие средства, — вмешался У Ду. — Нам следует понять: какие отношения связывают этого «наследного принца» с истинным? Почему он вернулся с Улохоу Му? Почему он так много знает о покойном императоре? Ведь по собственным показаниям Улохоу Му, почти два года он не был рядом с императором, а вернулся на юг. В этом все присутствующие уже убедились.

Когда-то Ли Цзяньхун отправил Лан Цзюнься обратно в Сычуань. Во время мятежа Чжао Куя это было общеизвестно. Те два года наследный принц провел рядом с Ли Цзяньхуном, изучая Меч царства, и он досконально знал все события тех дней. Именно это стало главным доказательством при проверке его личности.

Ведь во всей империи Меч царства освоили лишь трое: Ли Цзяньхун, Ли Яньцю и У Ду. И то, что удалось выучить У Ду, было даже не стилем меча, а стилем ладони.

— Меч царства нельзя освоить, только наблюдая, — наконец заговорил Яо Фу. — Без умения перемещать ци это всего лишь пустые движения. Наследный принц, настоящий он или нет, явно учился мечу лично у покойного императора. Только так можно постичь и технику, и управление ци. Если он тренировался с покойным императором, то знание его манер и характера неудивительно.

Яо Фу не высказал своей позиции, лишь озвучил опасения. Но в его словах сквозило скрытое сомнение в подлинности наследника, будто он мягко направлял мысли других к вопросу о самозванстве.

У Ду кивнул:

— Верно. Предположим: у истинного наследного принца в Прославленном зале был друг. Они были неразлучны, и ему даже доставались сладости от Улохоу Му. Позже этот друг стал его партнером по изучению Меча царства. Тогда все встает на свои места.

— Это... — Су Фа на мгновение растерялся, а затем нахмурился. — Полный бред! Если у вас были такие догадки, почему тогда молчали?!

— До встречи с Цянь Ци я не мог подтвердить свою теорию, — ответил Му Куанда. — Сегодня все видели реакцию Его Высочества: он не смог ответить ни на один вопрос. Вероятно, истинный наследный принц не был столь близок с этим «наследным принцем», чтобы делиться всеми секретами. Помните, что говорил Улохоу Му, когда его спросили о воспитании наследного принца?

— Улохоу Му сказал, — отозвался Се Ю, — что увез наследного принца из Шанцзы на север, по пути запретив упоминать о семье Дуань, чтобы никто из скрытых мотивов не попытался выяснить, кто он такой. Сам наследный принц признал, что, поскольку тогда был еще ребенком, то многого из этого не помнит. Он знал лишь, что принцесса умерла при родах, а он ждал отца в поместье Дуань.

— Но после того, как Улохоу Му увез Его Высочество, он вырезал всю семью Дуань и поджег поместье, — продолжил Му Куанда. — Как это объяснить? Покойный император даже хотел вызвать родственников из семьи Дуань из Жунани для опознания, но его отговорил советник Су.

Су Фа вспыхнул от гнева:

— Канцлер Му! Шанцзы уже не принадлежит Великой Чэнь! Мы даже не смогли перенести могилу принцессы. Когда я говорил это...

— У меня есть идея, — раздался молодой голос.

Все обернулись: это был Хуан Цзянь, стоявший в стороне рядом с Му Куандой.

До этого диалог вели лишь пятеро — советник, генерал-защитник, генерал Северного командования, Хуайинхоу и канцлер. Остальные же не смели вступать в обсуждение. И вот теперь, к всеобщему удивлению, заговорил Хуан Цзянь.

— Говори, — кивнул Му Куанда.

— Из услышанного... — Хуан Цзянь слегка замялся, — ...я сделал вывод. Если ошибаюсь, прошу исправить, господин комендант.

— Продолжай, — разрешил У Ду.

— Способ прост, — сказал Хуан Цзянь. — Он позволит подтвердить личность наследного принца. Но потребуется помощь всех присутствующих.

<http://bllate.org/book/15657/1400680>